

ЭВА
ФИШ

19 лет
брака.
Он выбрал
её.
А у неё есть
второй шанс...

ИЗМЕНА

Второй шанс
для *Варвары*

Эва Фиш

Измена. Второй шанс для Варвары

«Автор»

2026

Фиш Э.

Измена. Второй шанс для Варвары / Э. Фиш — «Автор», 2026

Она была идеальной женой. Он был идеальным мужем. Пока он не изменил ей с молоденькой помощницей. Варвара Тихонова знала всё о своем муже. Восемь лет она строила их идеальный брак, который рухнул за одну секунду. Она ждала, что муж будет умолять о прощении. Она ждала, что он будет бороться за их семью. Но он просто исчез. А через три месяца Варвара увидела в соцсетях фотографию на которой он счастлив и обнимает молодую любовницу, пока она плачет по ночам. В этот момент Варвара приняла решение. Она больше не жертва. Она не будет терпеть, унижаться, надеяться. Она выживет. Она станет сильнее. И она обязательно будет счастлива. Сможет ли женщина, которую предали, открыть сердце для новой любви? И как быть, когда прошлое стучится в дверь, а настоящее обещает гораздо больше, чем она когда-либо смела мечтать? История о том, как пережить измену и начать жизнь заново. О женской силе, настоящей дружбе и любви, которая приходит именно тогда, когда ты перестаешь ее ждать.

© Фиш Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эва Фиш

Измена. Второй шанс для Варвары

Глава 1

Я просыпаюсь за две минуты до будильника. Это моя суперспособность, выработанная годами. Ровно в шесть часов пятьдесят восемь минут, я открываю глаза, чувствуя, как солнечный свет пробивается сквозь неплотно задернутые шторы, и слышу ровное дыхание Стаса рядом. Он лежит на спине, одна рука откинута за голову, вторая — на моей подушке, будто ищет меня даже во сне.

Три года назад этот жест приводил меня в трепет. Я замирала, боясь пошевелиться, чтобы не разрушить магию. Теперь я просто аккуратно приподнимаю его руку и скольжу к краю кровати. Наши пальцы на секунду соприкасаются — его ладонь теплая, чуть шершавая, такая привычная и родная.

Я иду на кухню босиком, стараясь не скрипнуть паркетом. Холод пола под ногами окончательно прогоняет сон. Первое дело — кофе. Зерна я смолотла еще вчера вечером, но свежий аромат все равно разливается по кухне, смешиваясь с запахом цветов на подоконнике. Герань, которую принесла свекровь, и мой любимый розмарин. Я вдыхаю этот домашний коктейль и на секунду закрываю глаза. У меня есть всё. И даже чуть больше.

Кофе по-турецки — его любимый. Густой, терпкий, с кардамоном. Я помню, как в первые месяцы брака он удивленно поднял бровь: «Откуда ты знаешь?» Я просто знала. Я всегда знаю, что ему нужно: какая рубашка, какой соус к пасте, какие слова сказать, когда на работе очередной аврал. Его жизнь — это моя работа. Неофициальная, но самая важная.

— Доброе утро, — слышу я его хриплый голос из дверного проема, и улыбаясь оборачиваюсь.

Стас стоит, облокотившись плечом о косяк. Он не выспался: под глазами тени, а на щеке след от подушки. Но даже такой небритый и помятый он красив. Высокий, с широкими плечами. Мы вместе уже восемь лет, а я все еще ловлю себя на мысли, что он слишком хорош для меня. Для обычной Варвары Тихоновой, которая когда-то случайно села к нему в машину.

— Привет, соня, — улыбаюсь я, протягивая ему чашку. — Ты сегодня какой-то особенно задумчивый. Не выспался?

Он берет кофе, делает глоток, и на его лице появляется то самое выражение, которое я обожаю. Удовольствие. Я знаю, что умею делать его счастливым.

— Просто вчера засиделись с документами, — пожимает плечами Стас. — Ввели новую систему отчетности, пришлось с Машей разбираться до одиннадцати.

Маша. Его помощница. Молоденькая, шустрая, с вечно взлохмаченным хвостиком и смешинками в зеленых глазах. Она часто звонит ему вечером, и Стас всегда оставляет дверь в кабинет приоткрытой, чтобы я слышала его серьезный, деловой тон. Я даже пару раз видела ее на корпоративных фото: она всегда стоит рядом с ним, чуть позади, держа планшет как щит. Мы мило болтали на новогоднем корпоративе, она жаловалась на одиночество, а я по-матерински советовала ей не заикливаться на работе, а походить на свидания.

Какая же я была добрая идиотка. Но об этом позже

Утром, за завтраком, эта мысль даже не успевает оформиться. Я подаю на стол омлет с зеленью и ломтики авокадо. Стас садится за стол, и я вижу, как он рассеянно крутит в руках вилку, глядя в одну точку на скатерти. Его мысли где-то далеко.

— Все в порядке? — тихо спрашиваю я, кладя ладонь поверх его руки.

Он вздрагивает. Слишком резко. И тут же натягивает улыбку — ту самую, дежурную, которой он улыбается своим партнерам на переговорах.

— Да, Варь, все отлично. Ты у меня просто волшебница, — он тянет меня к себе и целует в висок, но его губы холодные. — Просто какой-то странный сон сегодня приснился. Не обращай внимания.

Я не обращаю. Потому что за восемь лет я привыкла, что он иногда уходит в себя. Говорят, у каждого сильного мужчины есть право на минуту слабости. Я даю ему это право. Я никогда не лезу в душу, не задаю лишних вопросов, не перебираю его телефон.

Кстати, о телефоне. Он оставляет его на столе, когда идет в душ. Экран загорается от уведомления. Я краем глаза вижу имя: «Маша». Пропущенный звонок в семь утра. Странно. Она знает, что мы завтракаем в это время, она никогда не звонит так рано. Но в следующую секунду я уже отворачиваюсь и поправляю салфетку на столешнице. Не мое дело. Работа. Наверное, что-то срочное по отчетам.

Я иду в комнату, подхожу к шкафу и достаю его любимый темно-синий костюм, рубашку цвета слоновой кости и галстук в мелкую полоску. Я помню размер его воротничка, длину рукавов и то, что он ненавидит, когда узел галстука затянут слишком туго. Все разложено на кровати как на витрине. Идеально. Аккуратно. Показательно.

Когда он выходит из душа, пахнувший гелем для душа, с влажными волосами, я уже держу в руках его часы. «Омега», которые мы купили в годовщину свадьбы.

— Ты сегодня вернешься поздно? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Скорее всего, да, — он смотрит на меня сверху вниз, застегивая часы на запястье и на секунду мне кажется, что в его глазах мелькает что-то. То ли вина, то ли раздражение. Я не могу разобрать. — Переговоры с поставщиками, потом встреча с бухгалтерией. Маша подготовила новую презентацию, надо ее проверить.

— Маша — тихо повторяю я, пробуя имя на вкус. Оно кажется безобидным. Таким же безобидным, как розмарин на подоконнике. — Она хороший помощник?

Он замирает на мгновение. Прямо с галстуком в руках. Я замечаю это — крошечную заминку. Но списываю на усталость.

— Да, толковая девочка, — голос его чуть скрипит, и он кашляет, прочищая горло. — Быстро учится. Иногда даже слишком много инициативы.

И он смеется. Этот смех раньше сводил меня с ума. Но сейчас в нем слышится какая-то странная нотка. Словно он говорит не о помощнице, а о чем-то постыдном. Я подхожу ближе и поправляю узел галстука, на секунду прижимаясь грудью к его груди.

— Ты пахнешь по-новому, — вдруг говорит он, немного отодвигаясь.

— Что?

— Твой шампунь. Ты поменяла шампунь?

Я мотаю головой, удивленная его внимательности. Нет, я пользовалась тем же, что и всегда, уже много лет подряд. Но он настаивает, что запах другой. И делает это так настойчиво, что мне становится не по себе.

В итоге он отмахивается он и берет портфель.

— Я люблю тот, клубничный.

Клубничный. Я закусываю губу, чтобы не спросить, откуда он знает, какой у меня шампунь. Он всегда был невнимателен к мелочам. Он путал цвет моих глаз (у меня карие, а он говорит всегда, что «зеленые»). Но сейчас он помнит запах моего шампуня?

Я провожаю его до двери. Стас целует меня в щеку — сухо, коротко, как коллегу. И я снова списываю это на спешку. Он торопится, он опаздывает на совещание. У него нет времени на страстные прощания, ведь он идет добывать деньги для нашей семьи. Для меня. Для нашего будущего. Дверь захлопывается. И я слышу, как его шаги удаляются по лестнице.

Тишина в квартире почему-то вдруг становится оглушающей. Я иду на кухню, собираю посуду со стола, беру его чашку, на дне осталось чуть-чуть кофе с кардамоном. Поднимаю ее к лицу, вдыхаю — снова этот аромат. Наше утро. Наша идеальная жизнь.

И вдруг я замечаю на столе его телефон. Он забыл его.

Экран снова загорается: еще одно сообщение от «Маши».

Я смотрю на это имя несколько долгих секунд. Мой палец застывает над экраном. Сердце начинает биться быстрее, но я заставляю себя отдернуть руку. Я не такая. Я не проверяю. Я верю. Мы строили этот брак почти девятнадцать лет, и я лучше всех знаю, что он любит меня. Он просто устал. Он просто занят. Она просто его помощница.

Я аккуратно кладу телефон на середину стола и выдыхаю.

«Я идеальная жена, — говорю я себе, глядя на свое отражение в стекле микроволновки. — Я не ревную. Я не сомневаюсь. Я люблю».

И я искренне верю в это. Верю в нашу сказку. Верю в то, что утро, пахнущее кофе, и мужчина в идеально выглаженном костюме — это и есть счастье.

Я даже еще не подозреваю, что через месяц он разобьет мне сердце, даже не вынув его из груди.

И не знаю, что имя «Маша» станет для меня проклятием. Пока я убираю со стола и планирую вечерний ужин, я счастлива. По-настоящему. Идиотски. Слепо. Как и должна быть счастлива идеальная жена идеального мужчины.

Глава 2

Стас вернулся через пару минут, забрал забытый телефон, снова поцеловал меня коротко в щеку и ушел.

День тянулся словно бесконечная жевательная резинка. Я перемыла посуду, переставила книги на полках в гостиной по алфавиту (хотя они и так стояли идеально), помыла полы, окна, запустила стирку, а потом бесцельно бродила по квартире, как призрак, который забыл, зачем вернулся.

Я ждала его звонка. Он всегда звонил после обеда, чтобы спросить, не нужно ли мне что-то привезти: фрукты, цветы, ту самую куриную грудку из его любимого мясного магазина на Ленинском. Но телефон молчал. Мое беспокойство и тревога, возникшая с утра росли. Я смотрела на экран каждые пять минут, и этот молчаливый черный прямоугольник начинал казаться мне живым существом, которое специально издевается надо мной.

В половине первого я решила сделать ему сюрприз. Он же любит мою стряпню. Он всегда хвалит мои котлеты «по-домашнему», даже когда я сама чувствовала, что переперчила. Я достала из холодильника фарш, наскоро приготовила котлеты, сложила их в пластиковый контейнер, завернула в полотенце, чтобы не остыли. Сверху положила записку: «Люблю. Жду. Твоя Варя».

Навигатор показывал двадцать минут, но на дорогах была пробка, и я приехала только в час дня. Комплекс из стекла и бетона на набережной выглядел неприступно-холодным. Офис его компании занимал четыре последних этажа. Я знала все пропуска, все коды, знала охрану в лицо, они всегда улыбались мне, называя «госпожой Тихоновой» со смесью уважения и любопытства.

Но я не пошла к охране. Я заметила его машину сразу. Черный «Мерседес», подаренный ему советом директоров в прошлом году за успешный проект. Он стоял на парковке, чуть поодаль от главного входа, в тени высокого тополя. Странно. Почему не на своем обычном месте, рядом с директорским въездом?

Я замедлила шаг. Каблуки моих туфель сначала уверенно цокали по асфальту, а потом стали стучать сбивчиво, нервно. Я видела машину, видела, что двигатель работает — из выхлопной трубы шел едва заметный пар. И видела, что внутри кто-то сидит на пассажирском сиденье. Там, где обычно сижу я, когда он забирает меня после работы.

Я хотела окликнуть его. Улыбнуться. Помахать рукой.

Но моя рука замерла в воздухе, потому что я увидела, как он наклоняется вправо. Сначала я подумала: он что-то ищет в бардачке. Потом я подумала: он поправляет зеркало.

Потом я поняла, что он кого-то целует...

Мир перестал существовать. Сначала исчезли звуки — гул машин на набережной, крики чаек над рекой, шум ветра. Потом исчезли краски — голубое небо, серый асфальт, черная машина. Все стало черно-белым. Осталась только картинка, как в старом немом кино: силуэты за стеклом, две головы, склоненные друг к другу. Его голова, которую я гладила по ночам, прижимая к своей груди. И другая голова, маленькая, со светлым хвостиком, который я уже видела на корпоративе.

Маша Это была она.

Она вдруг повернулась и села ему на колени. Господи, да она просто на него залезла. Я видела ее неестественно выгнутую спину, видела, как она откинула голову назад, подставляя шею, как его рука скользит по ее бедру, совсем не так, как обычно гладит по руке меня, уставшую от готовки. Не с той нежностью, не с той заботой. По-другому. Жадно. Властно. Как будто он берет свое, как будто это его законная добыча.

Не знаю сколько я так стояла и смотрела на это. Минуту? Две? Или вечность.

А потом он поднял голову. И посмотрел прямо на меня.

Я видела, как его лицо исказилось. Узнавание, потом шок, потом ужас. Он дернулся, оттолкнул Машу от себя так резко, что она ударилась головой о стекло и вскрикнула. Его глаза — любимые, карие, с золотыми искрами, которые я считала единственными в мире — были полны паники и злости. Он открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба.

Я не слышала его слов. Я видела только, как он дергает ручку двери, как вылетает из машины, как его пиджак задирается, открывая ремень брюк. Тот самый ремень, который я покупала ему на день рождения. Но я уже не хотела его видеть и развернулась собираясь уйти.

— Варя! Варя, стой! Это не то, что ты думаешь! — кричал он, бежа ко мне, спотыкаясь. Голос его доносился до меня будто сквозь толщу воды. Глухо. Отстраненно.

Я не побежала. Ноги не слушались. Я медленно шагала, сжимая в руках контейнер с котлетами. Пластиковый контейнер нагрелся от тепла, и я чувствовала, как горячее дно касается моих пальцев. Он обжигал меня. Почему-то я запомнила именно это: как онемевшие пальцы чувствуют жар сквозь белый пластик.

— Варя, пожалуйста! Ты не понимаешь! — он схватил меня за плечи. Я почувствовала запах его парфюма, смешанный с чем-то чужим, сладким, цветочным. Ее запах. Я вдруг вспомнила утренний разговор о шампуне. Клубничный. Он знает, как пахнет клубничный шампунь, потому что это ее запах.

Тошнота подступила к горлу. Я посмотрела на него. Мой муж. Человек, с которым мы делили одну постель. Человек, который говорил мне, что я его единственная, его муза, его тихая гавань.

Теперь я видела его таким, каким не видела никогда. Солгавшим. Чужим.

— Ты ты говорил, что задерживаешься на работе, — выдавила я. Голос не слушался, он превратился в тоненький, чужой писк. — Ты говорил, что у вас встречи. Ты

Я перевела взгляд на машину. Там, на пассажирском сиденье, сидела Маша. На ее лице было смесь страха и вызова. Она смотрела на меня с вызовом. У нее хватило наглости смотреть на меня с вызовом.

Она поправила платье, которое видимо задралось на бедрах, и неторопливо, с королевским достоинством, вышла из машины. Я увидела ее всю: молодую, стройную. Она выглядела так, будто только что вышла из душа. Растрепанная, розовощекая, счастливая.

— Станислав Николаевич, — сказала она, и ее голос прозвучал с ледяной вежливостью офисного работника, — я вас, наверное, покину. У меня еще отчеты.

Она одарила меня взглядом, в котором читалось: «Ты старая, ты скучная, ты уже не нужна никому, особенно ему». Она шла мимо меня, нарочито виляя бедрами, и я чувствовала, как от нее несет его парфюмом. На ней был его одеколон.

И внутри меня что-то оборвалось. Та самая струна, на которой держалось мое «всё хорошо». Она лопнула с мерзким, звенящим звуком, который, казалось, слышали все вокруг.

— Варя, прости меня, — Стас взял меня за плечи. — Это ничего не значит. Это просто ошибка. Глупая, дурацкая ошибка. Я люблю тебя. Только тебя. Слышишь?

Я посмотрела в его мокрые глаза и вдруг мне показалось, что он говорит правду. Вдруг он действительно любит меня. И одновременно с этим он любит ее. Он любит нас обеих, этот родной, сладкий, привычный мне мужчина. Но мне почему-то внезапно стало все равно.

Я разжала руки. Контейнер с котлетами упал на асфальт и с противным хлюпом раскрывлся. Котлеты вывалились и записка «Люблю. Жду» насмешливым мазком краски легла между мной и Стасом.

Я смотрела, как котлеты, приготовленные с такой любовью, лежат на асфальте, и почему-то не чувствовала ничего. Ни боли, ни гнева, ни обиды. Только странную, ледяную пустоту в груди, которая росла и заполняла меня изнутри, вытесняя все тепло.

— Варя, — прошептал Стас, видя, что я не реагирую. Он опустился на колени передо мной. Прямо на асфальт. Высокий, холеный, успешный мужчина стоял передо мной на коленях, и я смотрела на его макушку, которую всегда так нежно целовала. — Прощу тебя. Дай мне шанс все исправить.

— Исправить? — мой голос наконец-то вернулся. Он стал низким и глухим, как у совершенно незнакомого человека. — Ты хочешь исправить то, что я видела своими глазами? Или ты хочешь исправить то, как я себя чувствую?

Он молчал. Он не знал, что ответить. Он просто смотрел на меня снизу вверх, и в его взгляде я видела страх. Он словно боялся потерять не меня. Или он боялся потерять свой уютный дом, свой контейнер с котлетами, свою идеальную жену, которая стирает его рубашки и помнит размер воротничка. Он боялся потерять то, что мы построили, свой комфорт. Но не меня. Не нас.

— Я приехала, чтобы порадовать тебя, — сказала я тихо, глядя, как ветер подхватывает записку и уносит ее в сторону. — Я думала, у нас все хорошо. Я думала, что мой брак — это самое прочное, самое нерушимое что у меня есть.

Я посмотрела на его машину. На стекло, через которое я увидела правду. Этот день показал мне все, что я так старательно прятала от самой себя. Он наглядно показал мне, как я была слепа.

— Варя, пожалуйста — Стас протянул руку к моей ноге, попытался коснуться лодыжки. Я отшатнулась.

— Не прикасайся ко мне, — выдохнула я. — Никогда больше не прикасайся ко мне.

Я развернулась и пошла прочь. Спиной я чувствовала его взгляд, слышала, как он зовет меня. Я шла все быстрее и быстрее, пока не перешла на бег. Я зачем-то побежала, спотыкаясь о собственные ноги, и только когда я свернула за угол и скрылась из виду, я остановилась.

В глазах защипало. Я прислонилась спиной к холодной стене какого-то здания и сползла по ней вниз, прямо на асфальт, поджав колени к груди.

Я плакала. Плакала так громко и так страшно, что редкие в этом закутке прохожие оглядывались. Я плакала о нем, о себе, о своих глупых, наивных представлениях о семье. О том, что десять минут назад я была идеальной женой. А сейчас я была просто женщиной, у которой украли самое дорогое.

Украли иллюзию счастья.

Глава 3

Я не помню, как добралась до дома. Может, я шла пешком. Может, я взяла такси. Может, вернулась к своей машине. В голове был белый шум — такой же густой и ватный, как тот, что бывает во время снежной бури. Я смотрела на проплывающие за окном вывески, на людей, которые куда-то спешили, на детей с мороженым, и не понимала, как они могут жить своей жизнью, когда я только что умерла.

Ключ повернулся в замке с привычным щелчком. Я вошла в прихожую, и меня встретил запах нашего дома — смесь моего лавандового диффузора, полированного дерева и его одеколону. Этот запах будто ударил мне в лицо, и я согнулась пополам, хватая ртом воздух.

Тошнота подкатила к самому горлу. Я скинула туфли, оставив их криво стоять у порога, и побрела в спальню. Наша спальня. Сердце забилося где-то в районе горла, и я прижала ладонь к груди, пытаясь успокоить его бешеный ритм.

На кровати была разложена его рубашка. Та самая, которую я собиралась погладить после обеда. Я взяла ее в руки и прижала к лицу. Запах. Его запах. Мой кондиционер для белья, мой уют, моя забота. А теперь в этом запахе мне чудился другой — сладкий, цветочный, клубничный. Я отбросила рубашку в сторону, как будто она обожгла мне пальцы. Открыла шкаф, чтобы убрать ее и застыла.

В шкафу царил идеальный порядок. Его вещи на левой стороне, мои — на правой. Так было всегда. Я аккуратно складывала его носки по цветам, его галстуки — по узорам. Мои платья висели рядом с его пиджаками, как будто мы танцевали вечный вальс. Сейчас эта картинка казалась мне насмешкой.

Я вытащила старый чемодан. Серая, потертая ткань, на колесиках одно сломалось еще в прошлом году, когда мы летали в Сочи. Тогда мы смеялись: "Старый друг лучше новых двух". Мы таскали этот чемодан, потому что я отказалась покупать новый. Он тогда поцеловал меня в висок и сказал: "Ты самая экономная жена на свете. Я тебя обожаю".

Я нажала на защелки, и чемодан открылся с сухим, гулким звуком, как открывается гроб. Ужасная ассоциация, но точная как никогда. Я стояла перед пустым чемоданом, и внезапно на меня обрушилась волна воспоминаний.

Я вдруг вспомнила, как Стас сделал мне предложение. Это было на крыше его старого офиса, заваленной каким-то хламом. Я тогда работала в библиотеке и пришла к нему с книгами. А он достал кольцо. Простое, серебряное, с маленьким фианитом, который я носила на безымянном пальце девятнадцать лет, пока вчера не сняла его на кухне, чтобы помыть посуду. Оно до сих пор лежит там, в подстаканнике. Маленькое, холодное, ненужное.

— Я боялся, что ты откажешь, — говорил он тогда, и его голос дрожал. — Ты слишком хороша для меня, Варя. Слишком правильная. Слишком настоящая.

Я тогда смеялась и говорила, что он сошел с ума. Что я обычная, скучная Варвара из провинции, которая переехала в Москву за мечтой и случайно нашла его. Я была на седьмом небе от счастья. Я думала, что это самая большая удача в моей жизни — выйти замуж за Станислава Тихонова.

Теперь же я опустилась на колени перед чемоданом и начала кидать вещи. Но руки не слушались. Вместо того чтобы складывать свои платья, я случайно хватала его вещи.

Вот его свитер. Тот самый, связанный его бабушкой, который он надевал, когда болел. Он называл его "лечебным" и в такие дни требовал, чтобы я заваривала ему чай с малиной. Я помню, как он лежал на диване, а я терла его спину мазью и целовала в горячий лоб. "Ты моя волшебница, — шептал он, — ты вылечишь любого". Я брала больничный на работе и сидела с ним сутками, потому что никому не доверяла его здоровье.

Вот его галстук в синюю полоску. Я выбирала его на нашу четвертую годовщину. Он тогда говорил: "Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Я даже не представляю, как я жил без тебя". Я была счастлива. Я была глупо, наивно, безгранично счастлива.

Я вспомнила, как каждое утро я вставала раньше него, чтобы успеть приготовить завтрак. Я делала это не потому, что должна. А потому что мне нравилось видеть его улыбку спросонья. Я любила, когда он выходил на кухню, лохматый, шурящийся от света, и первым делом целовал меня в плечо, пока я стояла у плиты.

«Доброе утро, моя хорошая», — говорил он, и этот голос согревал меня лучше любого солнца.

Я сжимала его футболку в руках и не могла дышать. Где, где я ошиблась? Где я пропустила тот самый момент, когда он перестал смотреть на меня как раньше? Когда моя утренняя улыбка перестала быть для него чем-то важным?

Я вспомнила, как в прошлом году мы отмечали Новый год. Мы сидели на кухне, пили шампанское, смотрели "Иронию судьбы". Я заснула у него на плече, и он не стал меня будить. Он просто взял меня на руки и отнес в спальню. Я проснулась от того, что он укрывал меня одеялом и шептал: "Спи, моя девочка. Ты у меня самая лучшая".

Теперь эти слова звучали в моей голове как издевательство. Он называл меня "девочкой" и называл ее "Машей". Он любил меня и любил ее. Как такое возможно? Как можно делить свое сердце между двумя женщинами? Или у него было два сердца? Или он просто вырвал мое из груди и отдал ей, а мне оставил пустой, звенящий сосуд?

Я резко закинула его вещи обратно в шкаф. Слишком сильно. Слишком зло. Вешалка с рубашкой упала на пол, и я посмотрела на нее с ненавистью. Я ненавидела эти вещи. Я ненавидела себя за то, что любила его.

Я открыла ящик с бельем. Мои кружевные комплекты — красивые, которые я покупала, чтобы ему нравилось. Он говорил: "Ты в них как конфетка". Теперь я видела в них только унижение. Я носила кружево для него, а он трахал свою Машу, даже не снимая с нее трусы в офисной машине. Я сжала в руках прозрачную ткань и зарыдала.

Я рыдала так, как не рыдала никогда в жизни. Я упала лицом в ворох белья, вдыхая запах порошка и не могла остановиться. Слезы текли рекой, заливая подушку, смешиваясь с тушью, которую я не смыла.

Я вспомнила нашу первую ночь. Мы лежали на кровати, только тогда кровать была дешевой, скрипучей и строили планы. Он говорил: "Мы купим большую квартиру, ты родишь мне детей, мы будем путешествовать. Я сделаю тебя счастливой, Варя. Клянусь". Я верила ему. Я верила каждому слову.

Детей у нас не было. Я лечилась, пила гормоны, делала уколы. Он всегда говорил: "Не переживай, нам хорошо вдвоем. Ты — мой ребенок. Я буду любить тебя всегда". Я верила. А теперь я понимала: он не хотел детей. Он хотел свободы. Он хотел ее, молодую, плодовитую, которая не будет пить лекарства и ходить по врачам.

Я села на полу, растрепанная, мокрая от слез. Чемодан стоял рядом, пустой и насмешливый. Я посмотрела на наши фотографии на стене. Вот мы в Париже, у Эйфелевой башни. Я в красном платье, он в белой рубашке. Мы смеемся. Вот мы в горах, на лыжной базе. Я не умею кататься, он учит меня, держит за руки, и я падаю в пушистый снег. "Ты даже не умеешь падать правильно, Варь, — смеется он, — ты слишком неуклюжая. Но я тебя люблю и такую".

И в этот момент я поняла самую страшную вещь. Я поняла, что мои самые счастливые воспоминания теперь отравлены. Я больше никогда не смогу вспомнить Париж без того, чтобы не представить его рядом с ней. Я больше никогда не смогу смотреть на снег без того, чтобы не увидеть его руки, которые когда-то касались только меня.

Я поднялась с пола. Ноги затекли, я едва стояла. Я подошла к шкафу, вытащила свои джинсы, свой свитера, свои любимые книги с надписями, которые он делал мне на дни рождения. "Моей Варюше. С любовью навсегда". Я швыряла их в чемодан, не заботясь о порядке.

Я вытащила из ящика его записки. Которые бережно хранила. Те самые, которые он писал мне в начале отношений. Я перечитывала их сотни раз. Там было: "Скучаю", "Жду", "Ты моя муза". Сейчас я читала эти строчки и видела ложь. Каждое слово было ложью. Каждое обещание было пустым звуком.

Я разорвала их. Все. До одного. Маленькие белые клочки разлетелись по комнате, как снег. Как тот снег в горах, где он когда-то держал меня за руки уча кататься.

Я упала на пол и снова заплакала. Но теперь в моих слезах появилось что-то новое. Злость. Глухая, яростная, уничтожающая злость. Я ненавидела его за то, что он сделал со мной. За то, что он заставил меня полюбить его так сильно, а потом взял и разбил это любовь, как хрустальную вазу, которую я берегла всю жизнь.

Но сквозь эту злость, как сквозь туман, пробивалась одна мысль. Холодная. Четкая. Спасительная.

"Я выживу. Я должна выжить".

Это не конец. Ведь не конец же?

Я подняла голову, вытерла мокрые щеки тыльной стороной ладони и посмотрела на свою обручальное кольцо на моем пальце. И сняла его. Оно скользнуло легко, слишком легко. Как будто само хотело сбежать от меня.

Я положила кольцо на прикроватную тумбочку. Рядом с фотографией. Нашего совместного фото в деревянной рамке.

— Ты не стоишь моих слез, — прошептала я в пустоту. Голос звучал хрипло, чужо. — Ты не стоишь ни одной моей минуты. Ты не стоишь ничего.

Чемодан был собран. Криво, наспех, но собран.

Я оглянулась на спальню, где мы любили друг друга

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.